

1987. Москва. — 2002 — 300 км. —

ПОРТРЕТ ЗА БУТЫЛКУ

Алкоголь сыграл с художником Анатолием Зверевым злую шутку

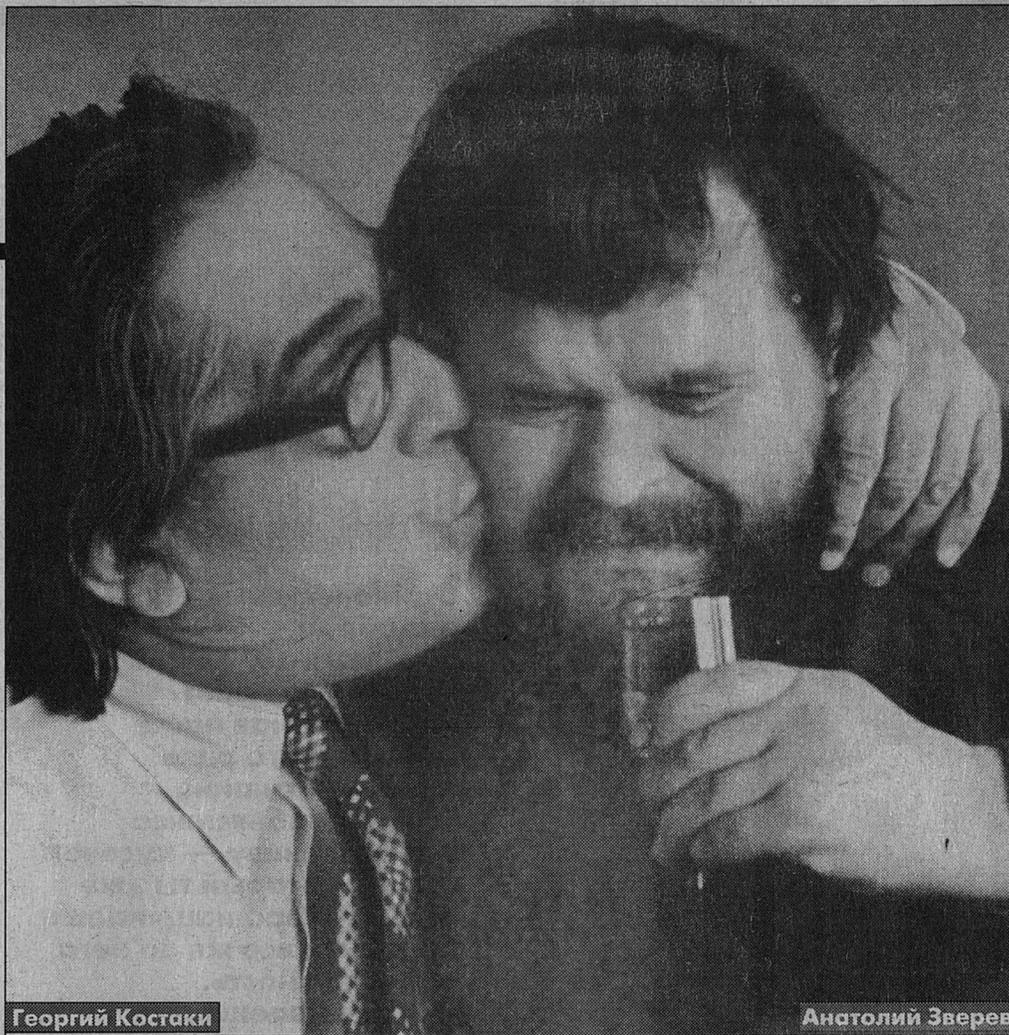
Ольга НИКОЛЬСКАЯ

Друзья называли его Зверь. Он заходил в творческом экстазе. Работал как сумасшедший. Плевал на холст, мог топтать его, наносить краску чем попало — тюбиком, рукой, палкой, трубкой бумаги, зубной щеткой... И, как ни странно, получались удивительные портреты, прекрасные пейзажи, музыкальные композиции на пушкинские темы.

Теперь, кажется, все признают редкое живописное дарование московского художника Анатолия Зверева (1931—1986). Называют его «ключевой фигурой» Второго российского авангарда. Неважно, как он работал, но его нервно-экспрессивные по манере письма картины — выразительны, восхищают особой светоносностью колорита. Теперь они в лучших музеях России и многих стран дальнего зарубежья.

Первыми на художника обратили внимание композитор Андрей Волконский и коллекционер Георгий Костаки, который стал горячим ценителем зверевского таланта. Считая его гением, Костаки мог многое простить творческому человеку с нестандартным поведением. Даже шатающуюся походку в присутствии важных гостей.

По мере того как к Звереву приходила известность, он с головы до пят обрстал легендами. «Рубашку носит только наизнанку...», «Из выпрезвителей не вылезает...» «Больше всего на свете боится милиционеров», «Пишет портреты за 30 секунд...», «Самый настоящий бомж»... Анатолий постепенно смирился с такой славой. Она ему не мешала, а скорее, помогала. ореол неоцененного гения не так уж и плох. А некоторые коллекционеры смек-

Георгий Костаки

Анатолий Зверев

нули, что можно использовать способность бедного художника работать в ураганном темпе. Особенно когда он маялся с похмелья. Здесь-то и предлагался тариф: картина — бутылка, картина — чистая рубашка...

Толя бешено хватался за работу. Потрудится на одно семейство — перейдет к другому, на соседнюю улицу. А многим тогда казалось, что он работает только на них, что именно у них — лучшая коллекция его творений. Это было наивно. Также наивно было думать, что трешками, пятерками можно было Звереву помочь. Авангардист в рубашке в метро не садился — гонял по городу на такси. Его скромная квартира в Свиблове совсем не напоминала бомжатник. Пунктуально разложенные тюбики с краской не вязались ни с холерическим характером художника, ни с его шизофреническими «мастер-классами» для восторженных поклонников и поклонниц. Зверев, между прочим, был автором замечательных стихов. А на публике читал... Слов не подберешь.

Он вошел в роль, которую ему подсказывали-навязывали. Она была несложной: работать лучше в поддатии, матерясь, эпатажно хрюкая, и в таком

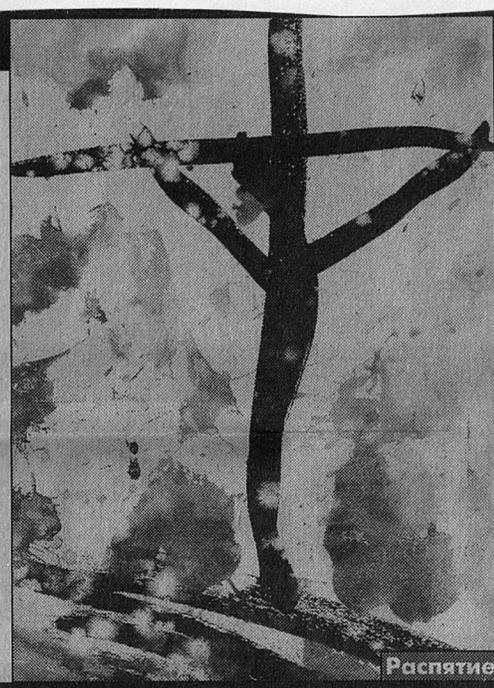
духе. Что из того? Главное — результат. Глядя на Зверева, можно было сказать, что общество само создает себе идиолов-алкоголиков, подготавливает им нишу, в которую их подсаживает.

На ВДНХ, в павильоне «Пчеловодство» была выставка московских авангардистов. К человеку-ленде подошла девушка:

- Вы и есть Зверев?
- Ставь бутылку за знакомство!
- Но у меня сейчас мало денег...
- Отдам сей момент. Вот-вот должны поднести...

Она осталась без копейки на ВДНХ, где уже гасли огни. Пришлось брать пятак на метро у незнакомых людей...

Такие грешки за ним водились. А ведь талант был исключительный. Любой художник может позавидовать его продуктивности. Смелой рукой мастер изготовил уйму лиц-картин. Назвать халтурой их нельзя. Он писал так легко и виртуозно, как другие умеют только подписи ставить в ведомостях по зарплате. Но время шло, и по пьяни стал все чаще появляться брак. А выкинуть его, разорвать в ключья неудачный холст — нельзя. Без выпивки останешься.

Распятие

Он по-прежнему мог работать блестяще, когда был в форме. «Роман века» с Ксенией Михайловной Асеевой, вдовой известного поэта, показал, каким мощным был внутренний потенциал художника. Когда они уединялись на ее даче у Николиной горы, он работал от рассвета до заката. О водке забыл, и поползновения не было. Такого желания творить без оглядки он не знал с юных лет.

Пять портретов и пять пейзажей в день — для него стали в порядке вещей. Это были не этюды, а совершенно законченные картины, где любой новый мазок окажется лишним. Памятками великой любви остались его солнечные портреты Асеевой. Все преобразилось. Превратился в редкого аккуратиста. И почему? Потому что не пил! В рот не брал! Увидев издали друга-пьяницу, норовил спрятаться от него. Дошло до того, что вино стало ему противно. Вот что способно сотворить любовь!

Те, кто думает, что бутылка была его творческим стимулом, глубоко ошибаются. Лучшие работы он создавал в относительно короткие трезвые периоды жизни. Именно тогда!

Смерть Асеевой, которая была намного старше его, подкосила художника. Он вернулся на старую стезю, ускоряя и ускоряя свои круги по московским квартирам. Твердая когда-то рука «русского Ван Гога» переставала слушаться. Это тогда, когда его манера письма зиждилась на уверенных движениях, решительных линиях.

Анатолий Тимофеевич покинул этот мир в 55 лет. Алкоголь сыграл злую шутку с ключевой фигурой Второго российского авангарда. Искусствоведы утверждают, что ни один другой из современных художников не вызвал столько подделок под себя, столько фальшаков. Сколько антикваров и коллекционеров купились на псевдо-Звереве!

Объяснение этому очевидно. Маэстро в дни запоев часто расслаблялся, был нетребователен к своим гонорарам, довольствуясь малым, но быстро. Писать на тысячу долларов — это одно, на бутылку-две — совсем другое. «Промежуточные» работы не так портят впечатление от талантливой авторской, как сонм фальшаков, кричащих с витрин: «Мы — Зверевы!» Нет! Вы — другие. Подделывать монограмму «АЗ» можно, а живопись виртуозного, почти головокружительного мастерства — вряд ли. Беда в том, что сам художник дал возможность к себе примазаться.

Хотите увидеть истинного Зверева — ходите в Третьяковку и другие авторитетные галереи, где эксперты-искусствоведы умеют отсеивать подделки.

Две фигуры

АЗ-57